

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РЯДА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И РОССИИ¹

Х. Б. Бадарчи¹, В. К. Севек², А. А. Серээжикпей²

¹Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН (Кызыл, Россия)

²Тувинский государственный университет (Кызыл, Россия)

Статья посвящена вопросу оценки уровня социально-экономического развития приграничных регионов в зарубежных странах в контексте аналогичного отечественного опыта. Анализ основывается на сравнении стран мира по уровню межрегиональной дифференциации по показателю валового регионального продукта на душу населения и корреляционном анализе показателя ВРП на душу населения с долей титульного этноса в структуре населения приграничных регионов, как значимого субъективного влияющего фактора. Анализ показывает, что наиболее глубокое отставание приграничных территорий характерно для полиэтнических государств с административным делением по этническому признаку. Типовым представителем стран с культурно-цивилизационным типом приграничья является Китай, для которого корреляция между показателями валового регионального продукта на душу населения и относительной доли титульного этноса в составе населения по приграничным территориям по состоянию на 2010 год составил 0,55. Вместе с тем к 20-м годам Китаю сократить разрыв в отставании этнического приграничья до уровня отсутствия связи между показателем ВРП и долей титульного этноса в составе населения провинций. Анализ показывает, что культурно-цивилизационный тип приграничья, характеризующийся относительно низкой долей титульного этноса в структуре населения требует учета данного фактора в числе ключевых при реализации инвестиционных проектов и комплексных проектов развития таких территорий. В отличие от таковых для приграничных территорий с относительно однородной структурой населения (пространственно-экономический тип приграничья) с преобладанием титульного этноса имеется возможность ограничиться стандартными подходами к стимулированию хозяйственной активности и экономического роста. С этой точки зрения для решения проблем развития этнического приграничья России может быть актуальным опыт развития Тибетского и Синьцзян-Уйгурского автономных районов Китая.

Ключевые слова: приграничный район, типы приграничья, межрегиональная дифференциация.

COMPARATIVE ASSESSMENT OF THE DEVELOPMENT OF BORDER REGIONS OF A NUMBER OF FOREIGN COUNTRIES AND RUSSIA

K. B. Badarchy¹, V. K. Sevek², A. A. Sereezhikpei²

¹Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources SB RAS (Kyzyl, Russia)

²Tuva State University (Kyzyl, Russia)

The article is devoted to the issue of assessing the level of socio-economic development of border regions in foreign countries in the context of similar domestic experience. The analysis is based on a comparison of the countries of the world in terms of the level of interregional differentiation in terms of gross regional product per capita and a correlation analysis of the GRP per capita with the share of the titular ethnic group in the structure of the population of border regions, as a significant subjective influencing factor. The analysis shows that the deepest lag of border territories is characteristic of multi-ethnic states with administrative division along ethnic lines. A typical representative of countries with a cultural and civilizational type of border area is China, for which the

¹ Работа выполнена по государственному заданию ТувИКОПР СО РАН, проект № 0307–2021–0005 «Возможности и перспективы стратегического развития приграничных регионов (на примере Республики Тыва)».

correlation between the indicators of gross regional product per capita and the relative share of the titular ethnic group in the composition of the population in the border areas as of 2010 was 0.55. At the same time, by the 1920s, China should reduce the gap in the backlog of ethnic border areas to the level of the absence of a connection between the GRP indicator and the share of the titular ethnic group in the population of the provinces. The analysis shows that the cultural and civilizational type of the borderlands, characterized by a relatively low share of the titular ethnic group in the structure of the population, requires that this factor be taken into account as one of the key factors in the implementation of investment projects and integrated projects for the development of such territories. Unlike those for border areas with a relatively homogeneous population structure (spatial-economic type of border areas) with a predominance of the titular ethnic group, it is possible to limit oneself to standard approaches to stimulating economic activity and economic growth. From this point of view, the experience of developing the Tibetan and Xinjiang Uygur Autonomous Regions of China may be relevant for solving the problems of the development of Russia's ethnic borderlands.

Keywords: border region, border types, interregional differentiation.

Введение. В рамках данного исследования территории стран мира, относящиеся к приграничным, рассматриваются в аспекте, отличном от общепринятого понимания таких территорий как имеющих сухопутные участки, по периметру совпадающих с государственными границами. Это наиболее употребляемый формальный признак отнесения той или иной территории к категории приграничных. Но на самом деле приграничье может рассматриваться и в более глубоких аспектах: экономическом, социально-политическом, культурно-цивилизационном, экологическом и т. д.

Результаты исследования. В международной практике, в частности, в странах БРИКС, система оценки развития приграничных регионов не отличается от общей системы оценки, опирающейся на базовые показатели аналогичные для системы национальных счетов. С 2013 г. в России внедряется «Система национальных счетов-2008», разработанная Организацией объединенных наций². Один из ключевых показателей — валовой национальный продукт, а для сопоставимости измеряемый в условной валюте и относительно численности постоянного населения страны. Если принять, что на уровне отдельных стран регионы являются схожими системными образованиями нижестоящего уровня, то ключевым показателем для характеристики можно определить валовой региональный продукт на душу населения.

Типология приграничных субъектов России в статике и в сравнительной динамике [1, 2] говорит о том, что наиболее тяжелая социально-экономическая обстановка, за некоторыми исключениями, в частности, депрессивных старопромышленных моноотраслевых районов, наблюдается в регионах с явно выраженной долей или преобладанием местных этносов относитель-

но доли государствообразующего этноса — русских. В России наиболее выделяется Республика Тыва и ряд северокавказских республик. В силу политических воззрений или политкорректности в большинстве исследований, в том числе зарубежных, данный фактор в анализе зон приграничья не рассматривается как значимый. Такие выводы сделаны по результатам ранее сделанных расчетов по России в 2012 и 2019 гг. [1, 2].

Экономику данных регионов от полного коллапса удерживает, как правило, нерыночный сектор и, соответственно, бюджетные дотации из центра. Объективными ограничениями являются транспортная изолированность в аспекте относительной удаленности от крупных трансграничных коридоров. Структура валового регионального продукта в таких регионах состоит ключевым образом из отраслей нерыночного сектора или отраслей низкого передела, как варианты — сельское хозяйство или добыча природных ресурсов.

В данном анализе приграничные территории подразделяются по атрибутивному признаку происхождения «периферийности»: пространственно-экономический (экономическая отдаленность от центра) и культурно-цивилизационный (буферные национально-этнические территориальные образования).

Очевидно, что жесткие объективные факторы в контексте потенциала управляемости развитием приграничных регионов имеют место быть и играют значительную роль. Классическая модель экономического развития населенной территории предполагает диффузию экономического роста от административного центра к периферии, к которой часто относится и зона приграничья. Типичным примером из мировой практики может быть развитие восточного побережья Китая с диффузией роста на северные и восточные про-

² Система национальных счетов-2008. URL: <https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/docs/SNA2008Russian.pdf>

винции. В экономическом аспекте регионы, входящие в зону приграничья, можно условно разделить на инфраструктурно-обеспеченные (всеми разновидностями транспортного сообщения, энергетической инфраструктурой) и отдаленные (условно изолированные). Очевидно, что первые физически ближе к административным центрам, с относительно высокой или средней плотностью населения. Ко второй категории в полном и прямом смысле можно применить слово «периферия». Подобные модели рассмотрены в классических концепциях, связанных с решением транспортных задач [3]. К примеру, приграничье в России характеризуется уменьшением плотности населения в восточную сторону, как и уровнем инфраструктурного обеспечения. Уникальное положение у периферийной и изолированной от остальной части страны Калининградской области, граничащей с Польшей и некоторыми странами Прибалтики. Несмотря на усиление барьерных функций границ, в данном случае связываемое с ростом межцивилизационной напряженности между Россией и коллективным Западом, область твердо сохраняет показатели развития выше среднего по стране и показывает положительную динамику по трансграничной торговле [4] даже в условиях усиления барьерных функций границ между странами. Так как население области подавляющим большинством представлено представителями государствообразующего этноса России — русскими у Калининградской области один центр влияния и, соответственно, она будет относиться к пространственно-экономическому типу приграничья. К такому же типу приграничья следует относить соседствующие с Калининградской областью по другую сторону границы приграничные воеводства Польши — одной из самых мононациональных стран. Валовой региональный продукт по воеводствам Польши находится на уровне 13–14 тысяч евро в год на душу населения. За несущественным отставанием восточных воеводств в целом по уровню ВРП на душу населения воеводства Польши демонстрируют относительно высокую однородность. Анализ экономики соседнего воеводства Вармии-Мазурии показывает относительно однородность развития также и на муниципальном уровне [5].

Оценка потенциала к изменениям в аспекте положительной динамики и ее глубины возможна с учетом социальных факторов. Вопросы развития приграничья имеют свои особенности для многонациональных стран с административным делением

на основе этнического признака и стран с более однородным этническим составом с административным устройством, основанном на других принципах. В этой связи представляется принципиально важным задаться вопросом о потенциальной возможности одоления проблемы отставания приграничья для многонациональных стран с «этническим» административно-территориальным делением. Приближение или опережение социально-экономического развития периферии в данном случае по определению поставит вопрос о смысле административного или экономического подчинения центру и создаст угрозу целостности государственного устройства в его актуальном положении в контексте лидерства существующего центра. Яркий пример из международной практики — приграничная испанская территория Каталония. По показателю ВРП на душу населения Каталония — один из лидеров среди регионов Испании. В Каталонии этот показатель традиционно выше среднего по стране в среднем на 20–25%¹. Специфика данной приграничной зоны в том, что каталонцы не тяготеют в этнокультурном плане к каким-либо из внешних общностей, но ввиду экономической самодостаточности и этнокультурной самобытности скорее претендуют на особый политический статус и значительную автономию.

Примером анализа с учетом культурно-цивилизационного фактора может быть характер развития российско-украинского приграничья. Очевидно, что в данном случае буферными национально-этническими территориальными образованиями со стороны Украины будут Донецкая и Луганская области (республики), у которых существует два центра влияния. Административно-территориально до известных событий новейшей истории регионы были частью Украины. Вместе с тем известно, что в бывшей Донецкой области более 70% населения в качестве родного определяли русский язык². Тесно увязанные с экономикой России в контексте событий новейшей истории экономики данных территорий вынуждены были функционировать в условиях, искаженных политическими факторами. По показателю валового регионального продукта на душу населения данные регионы традиционно находились выше среднего показателя по регионам Украины³. В контексте внутреннего устройства Украины после 2014 г. субъективными усилиями центра территории постепенно становились «глубинной периферией» [6]. В частности, были осуществлены блокировка авиаперелетов, демонтаж железнодо-

¹ Gross domestic product (GDP) per capita in Catalonia, Spain as a whole and the Eurozone between 2004 and 2020. URL: <https://www.statista.com/statistics/327120/gdp-per-capita-in-catalonia-spain-and-eurozone/>

² Всеукраинская перепись населения 2001 года. URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/regions/reg_don/

³ Валовой региональный продукт по регионам Украины, 2005–2013 гг. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2008/vvp/vrp/vrp2008_u.htm

рожного полотна на отдельных участках. В данном случае контекст возникновения периферии в явном виде носит субъективный характер.

Очень схожи в этом контексте Китай и Россия, приграничные территории которых в силу исторических причин образовывались в том числе как национально-культурные автономии. Для Китая наиболее проблемными в плане развития являются западные территории Тибет и Синьцзян-Уйгурский район, которые по показателю ВРП на душу населения показывают в среднем в три раза отставание от центральных провинций — Пекина и Шанхая⁴. Тибет исторически и культурно тяготеет к Индии, Монголии, в частности, в аспекте культурно-религиозных связей. Уйгурский этнос имеет очень тесные исторические и культурные связи с тюркоязычным населением стран Средней Азии и в глобальном аспекте является частью исламского мира, вызывая озабоченность центральных властей в аспекте возможного пространства для развертывания международных исламистских сил, исходящих из арабских стран и Турции. Во Внутренней Монголии и не выделенной, но исторически обозначаемой области Маньчжурии на севере страны, ситуация лучше: в среднем двукратная разница с административными и экономическими центрами страны. На этом фоне нельзя не отметить тот факт, что в Тибете и Синьцзян-Уйгурском районах титульный этнос Китая ханьцы представлен в меньшем или соразмерном долях относительно коренного населения этих автономных районов. Во внутренней Монголии и провинциях Маньчжурии, напротив, ханьцы в большинстве.

Интересным примером влияния субъективных факторов можно обозначить опыт КНР по развитию Тибетского автономного района. Правительство Китая принимала различные программы по его развитию. В ходе их реализации была выявлена ключевая ошибка по развитию Тибета и подобных территорий, а именно применение универсальных концепций, в частности, промышленного развития и попыток ускоренного перехода на высокие уровни передела по аналогии с восточными провинциями. Все это часто оборачивалось появлением планово-убыточных предприятий. С учетом того, что до сих пор 9 из 10 жителей автономного района — тибетцы, немалую роль играли культурные особенности трудового контингента, устойчивые привычки, отношение к рабочей дисциплине и так далее [7]. Основными отраслями экономики в Тибетском автономном районе являются горная промышленность, производство

строительных материалов и индустрия, связанная с традиционной культурой Тибета: народная медицина, религиозная атрибутика и туризм. Чуть лучше, но примерно такими же путями, развивается Синьцзян-Уйгурский автономный район. Характерно, что два приграничных района являются нестабильными в части социально-политической обстановки. С приближением китайской олимпиады проамериканскими и европейскими новостными информационными ресурсами часто упоминались проблемы с нарушением прав человека в Китае и именно в контексте ситуации в этих двух автономных районах⁵. Культурно-цивилизационный аспект в проблеме социально-экономического развития приграничных территориальных образований в данном случае выделяется в явном виде.

Для моноэтнических и полиэтнических с относительно однородным распределением населения государств ситуация выглядит иным образом. Более сопоставимым для сравнения примером на фоне России и Китая будут Соединенные Штаты Америки со своими обширными территориями и искусственными прямыми границами. Для этой страны штаты с приграничным статусом расположены на севере (Канада) и юге (Мексика). Характеристика про бедный юг и богатый север на сегодня является стереотипной. Показатель ВРП на душу населения по всем штатам в настоящее время варьируется вокруг отметки в 65 долларов, отличаясь кратными различиями лишь в небольшом числе исключительных случаев, к примеру, в сравнении со столичным округом Вашингтон, причем вне контекста каким-либо образом выделяющегося приграничья. Данный подход позволяет более корректно оценивать потенциал развития приграничных территорий. Для Китая и России характерно наличие культурно-цивилизационного типа приграничья, для США — пространственно-экономического типа. Явное преимущество такого государства в проблеме развития приграничных территорий заключается в том, что оно может в полной мере пользоваться фактором мобильности населения, в том числе допускать «голосование ногами» в конкуренции между территориями. Это позволяет эффективно мобилизовать трудовые ресурсы там, где это требуется, и в то время, когда это необходимо. Германия и США пользуются всеми преимуществами федеративного устройства в аспекте высокой автономности и гибкости публичного управления на региональном и муниципальном уровнях. В условиях же культурно-цивилизационного типа приграничья эти инструменты будут иметь ограни-

⁴ Per capita gross domestic product (GDP) in China in 2020, by province or region. URL: <https://www.statista.com/statistics/1093666/china-per-capita-gross-domestic-product-gdp-by-province>

⁵ Как в китайских тайных лагерях «перевоспитывают» мусульман-уйгуров. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-46019069>

ченный потенциал или вовсе их использование будет невозможным в силу социально-политических рисков. Поэтому необходимо признать, что страны, имеющие регионы с административным устройством в контексте этнического фактора, стремятся иметь прямо или де-факто унитарное устройство.

Еще одна из крупнейших по площади и протяженности границ, а соответственно, и числу приграничных территорий стран — Казахстан, который имеет унитарное устройство. Население северных территорий Казахстана в силу истории его становления имеет существенную долю русского населения. После распада СССР Казахстан оказался в новых реалиях и стал по сути транзитной страной между Китаем и Россией. В этих условиях новые границы и вопросы развития новообразованных зон приграничья очень сильно зависят от того, какое отношение к линиям границ формируется с двух ее сторон. Либо это зона сотрудничества, либо в приоритете барьерные функции линии границ. С северным соседом (Россией) Казахстан имеет очень тесные органичные связи вплоть до единого таможенного пространства. Суверенные отношения с Китаем для Казахстана в историческом контексте относительно новое, но не менее важное по перспективности направление. В итоге Казахстан, согласно официальным данным, демаркировал в пользу Китая в общей сложности более 1700 км границ¹. С учетом роли Китая в мировой экономике и необходимости сохранения дружественных отношений с сильным соседом это было прагматичное решение. С другой стороны, необходимо отметить ту особенность восточного приграничья Казахстана, что по обе стороны границы по сути проживают этнические казахи и в СУАР Китая, и до восточных аймаков Монголии. С любой позиции акцентирование внимания на территориальных амбициях со стороны Казахстана было бы проигрышным. В рамках же прагматичной деловой позиции открываются перспективы по реализации совместных трансграничных инфраструктурных проектов, коим на сегодня является международный инфраструктурный проект «Один пояс — один путь»². Это радиальные транспортно-логистические линии, замыкающиеся на Китае. Несмотря на то, что инфраструктурный проект по содержанию больше соответствует попытке Китая одностороной диверсификации своих сугубых транспортно-логистических коридоров, тем не менее участие в трансграничном проекте в условиях современных глобальных экономических реалий для всех остальных граничащих с КНР стран все же выглядит луч-

ше неучастия в нем. На международной арене страна-инициатор проекта Китай позиционирует его как жест социальной ответственности, направленный на гармоничное развитие всех соседствующих стран, упреждение возможных социально-политических кризисов, катастроф в регионе. Вместе с тем необходимо заметить, что в контексте проекта «Один пояс — один путь» проблемные западные периферийные территории Китая логически перестают быть периферийными.

В целом отстающая периферия — значительная проблема для большинства стран. Это потенциальный очаг социально-политической напряженности в стратегической перспективе. Поэтому многие страны решают подобные проблемы сообщая с помощью международных проектов. Аналогичный китайскому инфраструктурному мегапроекту, но с опорой уже не на социальные, а в первую очередь на экологические проблемы проект реализуется в странах Южной Америки с начала 90-х годов прошлого столетия. Документальной основой проекта является Договор о сотрудничестве в Амазонии. Усилия направлены на обеспечение технического сотрудничества в двусторонней или многонациональной деятельности в гидрографических бассейнах и приграничных районах стран, входящих в бассейн реки Амазонка. Договор заключен между такими странами, как Бразилия, Колумбия, Эквадор и Перу³. Культурно-цивилизационный контекст приграничья для стран Южной Америки является менее актуальным, чем для стран Европы и Азии. Во-первых, существующие государственные границы сформированы вне контекста активного участия в этом процессе коренных народов. К примеру, один из самых многочисленных коренных народов Южной Америки — кечуа [8] представлен в Перу — более 10 млн чел., в Эквадоре — более 5 млн чел., в Боливии — 3–4 млн человек и расселен в основном по центральным регионам этих стран в примерно равной пропорции с остальными этносами. Во-вторых, кечуа и подобные этносы довольно глубоко ассимилировались в христианскую культуру. Проблем, подобных китайскому Тибету и Уйгурии, здесь нет. Вместе с тем в зоне Амазонии довольно остро чувствуются проблемы, характерные для «глобальных окраин» в аспекте неразвитости гражданских институтов. Преимущественно экономически отсталая периферия и приграничные зоны в этих странах стали рассадником распространения коррупции и других социальных проблем, в частности преступности, наркоторговли и т. д. Не секрет, что усилия одной

¹ Делимитация и демаркация государственной границы Казахстана. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/article/details/5947?lang=ru>

² Проект «Один пояс, один путь». URL: <https://tass.ru/info/4383152>

³ URL: <https://www.oas.org/dsd/publications/Unit/oea08b/ch01.htm#presentaci%C3%B3n>

страны на одной стороне границы аннулируются несогласованными действиями властей по другую сторону государственной границы. Как отмечают исследователи, «... в такой ситуации могут возникать проблемы несоординированности разных направлений госрегулирования в приграничных регионах, некорректных оценок их роли в госполитике регионального развития» [9]. Решение различных бытовых, хозяйственных проблем населением и компаниями путем трансграничных миграций, перемещения товаров и грузов в Южной Америке постепенно становится социальным феноменом. Растут экологические проблемы, связанные с бесконтрольной вырубкой леса и нещадной эксплуатации лесных и водных ресурсов, а также недр. Как известно, амазонский лес наряду с сибирским является крупнейшим регенератором кислорода на планете. Социально-экономическое и связанное с ним экологическое благополучие региона, без сомнения, — задача глобального значения. Поэтому программа развития территорий Амазонского бассейна в Южной Америке реализуется одновременно всеми странами, граничащими вокруг реки. Все двусторонние договоры о развитии приграничных национальных областей между странами согласовываются в контексте общего договора.

Еще одна зона совместной ответственности в мире — Арктика. Совместная ответственность стран зоны Арктики в сферах экологической безопасности, рационального использования природных ресурсов и развития социально-экономической инфраструктуры тоже рождает крупные согласованные проекты в зонах приграничья. В частности, Баренцево-Евроарктическая транспортная зона (ВЕАТА) на севере Норвегии и в Мурманской области России [10]. К сожалению, совместные усилия в значительной степени ограничиваются нарастанием барьерных функций границ на фоне

международной политической обстановки. Вместе с тем, несомненно наличие у многих, если не всех стран, что в современном мире в условиях тесных хозяйственных связей и нарастающей взаимозависимости образ мышления на основе моделей поляризованного развития в ущерб неких «окраин», на которых живут некие «другие», становится архаичным. В контексте многих трансграничных проектов философия и способ реализации китайского «Один пояс — один путь» выглядит наиболее внятным.

Возвращаясь к контексту российских реалий, наиболее удачным примером для России может стать анализ развития приграничных провинций Китайской Народной Республики. КНР и Российская Федерация — не только ближайшие соседи с общими границами, но и имеют в своем составе приграничные территории с сопоставимой или преобладающей долей этнических меньшинств. Чтобы продемонстрировать успехи Китая, рассмотрим взаимосвязь между показателями титульного этноса в составе населения и валового регионального продукта на душу населения по его приграничным территориям за 2010 и 2021 гг. В качестве ключевого показателя, который одновременно является и результирующим, и обладает характеристиками объективности, берем показатель валового регионального продукта на душу населения в контексте дифференциации с аналогичным показателем по столичному городскому округу Пекин. Искомый показатель из Системы национальных счетов рассматриваем в контексте показателя представленности титульного этноса в составе населения приграничных провинций. Об этническом составе населения в провинциях Китая можно узнать по данным последней переписи 2010 г., которые вошли в соответствующие статистические сборники.

Оценка уровня экономического развития приграничных провинций Китайской Народной Республики в контексте структуры этнического состава населения, 2010 г.⁴

Приграничный регион КНР	ВРП на душу населения ⁵ в приграничных провинциях КНР относительно аналогичного показателя Пекина	Доля титульного этноса в составе населения ⁶ , %
Ляонин	0,55	0,85
Гирин	0,41	0,92
Хэйлунцзян	0,35	0,96
Внутренняя Монголия	0,62	0,80
Синьцзян-Уйгурский автономный район	0,33	0,39
Тибетский автономный район	0,23	0,08
Юньнань	0,20	0,67
Гуанси-Чжуанский автономный район	0,26	0,62

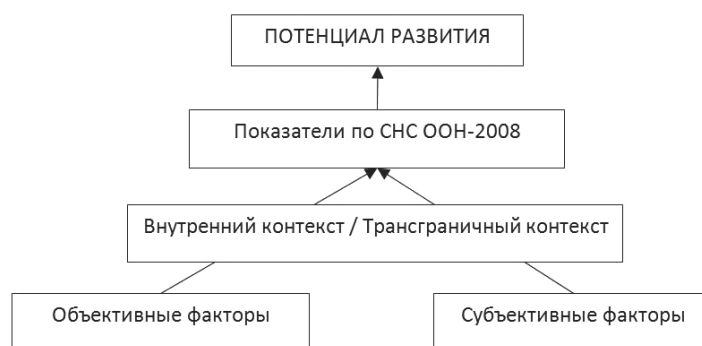
⁴ Расчеты авторские.

⁵ Gross Regional Product by Three Strata of Industry. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2011/indexeh.htm>

⁶ Population by Gender, Ethnic Groups and Region. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2021/indexeh.htm>

Экономическое развитие провинций Китая, как было отмечено ранее, не является однородным. Более того, по показателю ВРП на душу населения в Китае можно было наблюдать 5–6-кратную дифференциацию еще до 2010 года. В представленной выше таблице рассматриваемый экономический показатель приводится в контексте субъективного фактора, а именно, этнического состава населения приграничных провинций. Без математических расчетов очевиден факт отставания провинций с невысокой представленностью титульного этноса — ханьцев. Коэффициент корреляции между приведенными показателями по состоянию на 2010 год составляет 0,55, что позволяет утвер-

ждать, по крайней мере, о наличии значительной связи и необходимостью учета субъективного фактора для зон культурно-цивилизационного приграничья. Аналогичные расчеты, но уже по данным 2021 года показывают коэффициент корреляции между экономическим показателем и показателем представленности титульного этноса в приграничных провинциях не превышающем 0,2, то есть на уровне отсутствия существенной связи. Это мы считаем результатом стратегически выверенной политики, во-первых, адаптированной к условиям влияния этнокультурного фактора и планомерно устранения фактора периферийности проблемных приграничных территорий.

Система оценки развития приграничных регионов

Заключение. Таким образом, система оценки развития приграничных территорий, кроме характеристики таких ключевых показателей как валовой региональный продукт, может включать комплекс показателей оценки потенциала развития. В частности, объективных, связанных со сложившимися характеристиками плотности населения, инфраструктурного обеспечения, типичной структуры ВРП. Кроме этого, система оценки содержит комплекс субъективных характеристик, связанных с культурно-цивилизационным аспектом резидентов зоны приграничья вкупе с экспертными оценками в контексте глобального окружения и тенденций. Необходимо рассматривать фактор наличия культурно-цивилизационной идентичности населения внутренних регионов с населением стран-соседей не только в контексте рисков и угроз, а главным образом в качестве причин и преимуществ в инициировании глобальных интеграционных проектов. Пример — новые транспортные коридоры из мусульманского СУАР Китая в СНГ, Афганистан и Пакистан с выходом на морские порты Арабского полуострова. Сделанный вывод согласуется

и с российским опытом развития приграничных регионов, в контексте которого можно обозначить, что наиболее тяжелая ситуация характерна для этнических окраин, таких как Республика Тыва, Республика Алтай и ряда северокавказских республик. Наличие субъективных факторов, во-первых, необходимо признать. Во-вторых, необходимо разрабатывать и реализовывать социально-экономические программы, проекты в рамках адаптированной политики. В-третьих, следует отметить, что высоким потенциалом развития приграничных территорий обладают трансграничные глобальные экономические, экологические и социальные проекты. Такие проекты способствуют социально-экономической интеграции и напоминают, что ни одно государство не может существовать и развиваться изолированно, имея зоны социально-экономического неблагополучия вдоль своих границ. Более того, текущие исторические глобальные события, происходящие в мире, прекрасно демонстрируют иллюзорность эффективности, а на деле — ограниченность самой концепции поляризованного развития в национальном и глобальном контекстах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бадарчи Х. Б., Дабиев Д. Ф. Типологический анализ приграничных регионов России по уровню социально-экономического развития (на примере Республики Тыва) // Проблемы прогнозирования. 2012. № 2. С. 89–101.
2. Бадарчи Х. Б., Севек В. К. Анализ приграничных регионов Сибирского Федерального Округа России по уровню социально-экономического развития (на примере Республики Тыва) // Аграрный вестник Урала. 2019. № 4 (183) С. 78–86.
3. Hansen N. M. The Economic Development of Border Regions. IIASA Research Memorandum. 1976. URL: <http://pure.iiasa.ac.at/647/>
4. Tadeusz Palmowski and Gennady M. Fedorov. The Potential For Development Of Russian-Polish Cross-Border Region // Geography, Environment, Sustainability. 2020. Vol. 13. No. 1. Pp. 21–28. DOI: 10.24057/2071–9388–2019–70.
5. Бильчак М. В. К оценке потенциала развития приграничных регионов // Балтийский регион. 2011. № 2 (8). С. 139–145.
6. Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации: монография / под ред. Л. И. Попковой, Цезарь Мадры, Л. Б. Вардомского. Курск, 2018. 130 с.
7. Rong M. Population and Society in Contemporary Tibet. Hong Kong, 2011. 390 p.
8. Зубрицкий Ю. А. Инки-кечуа: Основные этапы истории народа. М., 1975. 190 с.
9. Кузнецов А. В., Кузнецова О. В. Изменение роли приграничных регионов в региональной политике стран ЕС и России // Балтийский регион. 2019. Т. 11. № 4. С. 58–75.
10. Хаугсет П. Сценарии Крайнего Севера и субнациональные реалии: политика и практика в приграничной зоне Норвегии и России // Арктика и Север. 2018. № 33. С. 137–156. DOI: 10.17238/issn2221–2698.2018.33.137

REFERENCES

1. Badarchi KH. B., Dabiyev D. F. Typological analysis of the border regions of Russia in terms of socio-economic development (on the example of the Tyva Republic) // Problems of forecasting. 2012. № 2. Pp. 89–101.
2. Badarchi KH. B., Sevek V. K. Analysis of the Frontier Regions of the Siberian Federal District of Russia by the Level of Socio-Economic Developme // Agrarian Bulletin of the Urals. 2019. № 4 (183) Pp. 78–86.
3. Hansen N. M. The Economic Development of Border Regions. IIASA Research Memorandum. 1976. URL: <http://pure.iiasa.ac.at/647/>
4. Tadeusz Palmowski and Gennady M. Fedorov. The Potential For Development Of Russian-Polish Cross-Border Region // Geography, Environment, Sustainability. 2020. Vol. 13. No. 1. Pp. 21–28. DOI: 10.24057/2071–9388–2019–70.
5. Bil'chak M. V. Toward an assessment of the development potential of border regions // Baltic region. 2011. № 2 (8). Pp. 139–145.
6. Strategy for the development of border areas: traditions and innovations: monograph / ed. L. I. Popkovoy, Tsezar» Madry, L. B. Vardomskogo. Kursk, 2018. 130 p.
7. Rong M. Population and Society in Contemporary Tibet. Hong Kong University Press. 2011. 390 p.
8. Zubritskiy Yu. A. Inca Quechua: The main stages of the history of the people. M., 1975. 190 p.
9. Kuznetsov A. V., Kuznetsova O. V. Changing the role of border regions in the regional policy of the EU countries and Russia // Baltic region. 2019. T. 11. № 4. Pp. 58–75.
10. Khaugset P. High North scenarios and subnational realities: policies and practices in the Norwegian/Russian border zone // Arctic and North. 2018. № 33. Pp. 137–156. DOI: 10.17238/issn2221–2698.2018.33.137.

Поступила в редакцию: 24.06.2022.

Принята к печати: 19.07.2022.